

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕНТАЛЬНЫХ СУФФИКСОВ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

И.В. Новицкая

Аннотация. Рассматривается гипотеза о синкретичности семантики и.-е. словообразовательных суффиксов с дентальным компонентом, послуживших источниками для образования суффиксов абстрактных существительных в древнегерманских языках. Сопоставляются данные о структуре и реконструированных элементах семантики и.-е. суффиксов-источников. На этой основе определяется возможный объем их содержания.

Ключевые слова: древнегерманские языки; абстрактные существительные; дентальные суффиксы; индоевропейские суффиксы; семантика.

Словообразовательный аспект одного из наиболее обширных лексических пластов словарного состава древнегерманских языков – лексико-грамматического разряда абстрактных существительных (АС) – не раз становился предметом лингвистического анализа (см. обзор в [1. С. 19–29]). Тем не менее проблема семантической обусловленности словообразовательных типов АС в древнегерманских языках только в последнее время становится одной из наиболее обсуждаемых в историческом словообразовании.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы обозначить сферы – источники семантического наполнения древнегерманских суффиксов АС, сформированных на базе древнейших и.-е. словообразовательных формантов, и на этой основе очертить возможный объем содержания, который «кодировался» данными суффиксами. Поставленная задача решается в рамках исследования, призванного подтвердить рабочую гипотезу о семантической синкретичности древнегерманских комбинированных словообразовательных формантов, которая обусловила специфику функционирования и эмпирическую продуктивность словообразовательных типов, ими оформленных.

Объектом исследования статьи являются древнегерманские словообразовательные суффиксы, этимологически восходящие к словообразовательным элементам общеиндоевропейского происхождения, содержащим дентальный согласный.

К числу и.-е. суффиксов, наиболее активно продуцирующих словообразовательные форманты в древнегерманских языках, относятся *-ti-, *-tu-, *-to-/-tā- и *-ni-. Важным замечанием в отношении данных суффиксов является то, что в древнегерманских языках в самостоятельном употреблении они демонстрируют отсутствие высокой эмпириче-

ской продуктивности, а также морфологическую невычленимость и фонетическую трансформацию, приводящую в результате к их неразличимости с другими суффиксами. Так, например, в процессе фонетического развития и.-е. суффиксы *-ti-, *-tu- и *-iþō слились в древнеисландском, древнеанглийском и древневерхненемецком языках в единое -t-, -d-, -þ-, -ð- и формально практически не различались: двн. *chumft* «приезд, прибытие» (ti-производное), двн. *gesiht* «зрение, наблюдение» (iþō-производное), двн. *lust* «желание» (tu-производное) [2. С. 103]. Созданные на их базе производные древнегерманские суффиксы, напротив, обнаруживают высокую активность.

В меньшем количестве случаев основой для древнегерманских суффиксов АС послужили такие и.-е. словообразовательные элементы, как: *-tlo-, *-tro-, *-men-, *-two-/twā и *-k-, каждый из которых подвергся определенным фонетическим трансформациям в древнегерманских языках.

Задача выявления объема содержания и.-е. суффиксов – источников АС с дентальным компонентом (и.-е. суффиксов *-ti-, *-tu-, *-to-/tā-) требует рассмотрения данных, раскрывающих их этимологические связи и реконструированные компоненты семантики.

И.-е. суффикс *-ti-

Среди древнегерманских суффиксов, восходящих к и.-е. прототипам, особое место занимает и.-е. суффикс *-ti- (*-tey-), который в общегерманском представлен формами *-ði-/þi-/ti- [3. С. 27; 4. С. 293; 5. С. 139].

Исследователи отмечают, что посредством и.-е. суффикса *-ti- (*-tey-) образовывались первичные и.-е. отглагольные существительные ж. р. со значением действия «объективного, реализованного вне подлежащего, за счет завершенности, заключенной в нем самом, и без непрерывности действия», например *gwem- «приходить» → gwem-tey- «факт прихода», вед. *gāti-* «приходить», греч. *βάδις* «хождение, ход», гот. *gaqumþs* «приход» [6. С. 67], скр. *iti* «ход, течение», *pīti* «питье» и др. [7. С. 67].

В отношении происхождения и.-е. суффикса *-ti- (*-tey-) существует мнение, что он образован путем агглютинации, т.е. из элемента *-t-, к которому присоединился второй суффикс. В качестве второго компонента суффикса *-ti- (*-tey-) предполагают и.-е. суффикс *-i-/*-eu-, который образовывал первичные имена действия ж. р. и м. р. [6. С. 63, 72] и передавал значение принадлежности кому-либо или чему-либо [8. С. 284] или значение ближнего расположения объекта [9. С. 243; 10. С. 156]. Точку зрения о составном характере суффикса *-ti- развивает К.Г. Красухин [10. С. 24, 28–29]. Согласно его наблюдени-

ям, суффикс *-t- в и.-е. отглагольных именах последовательно репрезентировал значение агентивности и активности, а формант *-i-, входящий к дейктической частице *-i-, в зависимости от контекста мог иметь значение собственно дейктическое, анафорическое и эмфатическое [10. С. 92].

Таким образом, можно заключить, что наиболее древнее восстанавливаемое комплексное, синкретичное значение и.-е. суффикса *-ti- (*-teu-) опиралось на значения составляющих его компонентов, к числу которых можно отнести семантику агентивности, активности, ближнего расположения и принадлежности.

И.-е. суффикс *-tu-

Еще одним достаточно распространенным словообразовательным элементом древнегерманских языков являлся дентальный общегерманский суффикс *-tu-/-þu-/-ðu-, имеющий своим прототипом и.-е. суффикс *-teu- [3. С. 27; 6. С. 68; 11. С. 169].

В и.-е. языках суф. *-tu- (-teu-) служил, прежде всего, для образования первичных существительных м. р. и ж. р. со значением «действия, исходящего от подлежащего и выполняющего его в качестве внутреннего предназначения или расположения, делаая явным возможность или практику личных отношений, всегда направленных на одну цель»: *gweþ- «приходить» → *gweþ-tu «пришедшая», вед. gán-tu «приход», лат. ven-tum «приходить» [6. С. 68]. Кроме того, суф. *-tu- (-teu-) оформлял и.-е. первичные существительные с ударением на суффиксе со значением прохода (лат. portus «гавань», герм. *furdū «брод»), а также единичные обозначения орудий, функций должностных лиц, животных и глагольных прилагательных [6. С. 69; 12. С. 178]. В дальнейшем и.-е. суф. *-tu- (-teu-) был распространенным средством для образования АС, обозначающих действие, от производных глаголов, например лат. status «состояние», ortus «восход», скр. mantus «совет», gantus «ходьба» и т.д. [6. С. 65–66; 7. С. 69; 12. С. 178; 13. С. 55; 14. С. 349].

Подобно предыдущему суффиксу словообразовательный элемент *-tu- (-teu-) также рассматривается как агглютинативное образование, состоящее из и.-е. суффикса *-t- и второго суффикса *-u- [5. С. 139, 147; 10. С. 28–29, 77; 15. С. 226]. Значение первого элемента в отглагольных именах восстанавливается как значение агентивности и активности. Второй элемент возводится к дейктической частице -u-, которая имеет то же происхождение, что и дальнейшее указательное местоимение *eu/ou/u [9. С. 243; 10. С. 229].

Некоторые наблюдения за структурой и семантикой и.-е. суффиксов *-tu- и *-ti-

Исследования К.Г. Красухина показали, что в исторически засвидетельствованных и.-е. языках существовал класс отглагольных имен, маркированный суф. -t-: греч. πλανῶ «бродить» и πλανής «бродяга», др.-инд. śṛṇóti «слышать» и devaśrút «слышащий бога», в которых формы на -t почти всегда указывают на деятеля [10. С. 24–25]. Данный факт позволил ученому предположить, что и.-е. суф. *-t- изначально подчеркивал агентивность корня, и определять его как совершенно асемантический не вполне корректно (см. иную точку зрения в [8. С. 273], но для праи.-е. периода).

Согласно развиваемой К.Г. Красухиным теории аблаутно-акцентной парадигмы, в основе распределения ряда именных суффиксов на показатели имен деятеля и действия в греческом и древнеиндийском лежало противопоставление по акценту и аблауту: баритоны обозначали лицо или предмет, имеющие отношение к действию (деятель, орудие, иногда пациенс), действие как процесс или результат, а окситоны – действующее лицо, инструмент: скр. sóda «толчок» и codá «подстрекатель» (= толкающий). При этом в именах полная ступень суффикса была характерна для *nomina agentis* и нулевая ступень – для *nomina actionis* (и.-е. суффиксы *-ti- и *-tu- – это редуцированные формы в номинативе). После формирования такого противопоставления из системы имен деятеля с полной ступенью суффикса произошло их вторичное разделение на абстрактные и конкретные. Такая оппозиция стала возможной при передвижении акцента в АС с суффикса на корень [10. С. 26–27].

Исследованный материал противопоставленности баритонных атематических имен и окситонных тематических имен показал, что баритонные имена тяготели к абстрактным значениям, а окситонные – к большей определенности, однозначности и конкретности. Баритонное имя обозначало некоторое основное качество предмета, т.е. то, без чего он перестает быть самим собой, имманентное и постоянное свойство, а окситонное имя – свойство как одно из составляющих качества, имя функции [10. С. 270]. Следовательно, окситонные и баритонные имена противопоставлялись друг другу как конкретные и абстрактные, цельные и парциальные, обозначающие постоянные качества и временные признаки [Там же. С. 277]. Суффиксация оттягивала на себя ударение, и в этом заключалась ее детерминирующая функция [Там же. С. 350].

Объясняя наличие греческих окситонных имен на -τός, К.Г. Красухин [10. С. 27] приходит к мнению о функции вторичного перемещения акцента в АС: баритоны обозначали объективного, независящего от ситуации деятеля, а окситоны – субъективного, ситуационного. При

этом ситуационный деятель легко мог преобразоваться в потенциального (тот, кому предназначено, или кто может действовать). Данная точка зрения опирается на классификацию Э. Бенвениста, согласно которой и.-е. имена на *-tī являлись объективными, а на *-tu – субъективными, поскольку именные суффиксы были четко противопоставлены по семантике: *-tī- маркировал объективное действие, в котором субъект не заинтересован, а *-tu- – субъектное [16. С. 112].

По наблюдениям Ф. Бадер, и.-е. суффикс *-tu- имел также следующие значения: а) орудие: рус. *бри-тв-а*, *би-тв-а*, б) предикат божественной сущности: др.-инд. Yantu «вдохновение», лат. *matu-gus* «зрелый», эпитет богини утра *Matuta*, галл. *Matu-gix* «добрый царь», др.-ирл. *Mad geneig* «добрый сын», гот. *maþuwinþo* «добрая к своим» [10. С. 35–36]. Суффикс *-tī- принимал активное участие в формировании как АС, так и глагольных композитов по типу близкому к *bahuvrīhi* (греч. Μνησιδεός «помнящий о боге» (ср. *широкоплечий*)). Все эти примеры позволили определить первоначальную семантику суффикса -t- не как абстрактную, а как эмфатическую [Там же. С. 36]. Согласно исследованиям Э. Бенвениста, АС на *-tī в терминах родства (лат. *genti-*, скр. *jāti-* «рождение») обозначает не только рождение в абстрактном смысле, но и в то же время класс существ, которые объединены между собой «рождением», т.е. «все рожденные одного рода», что выступает как необходимое условие для выделения социальной группы. Производное с суффиксом *-tu- (авест. *zantu-* «рождение») обозначает крупное социальное подразделение внутри древнеиранского общества, широкую общность людей в пределах племени и территории [17. С. 176, 210].

В хеттском и индоиранском глагольные флексии 3 л. ед. ч. -tī- (дуративный презенс) и -tu- (императив) имели то же происхождение, что и именные суффиксы -tī- (объективное *nomen actionis*) и -tu- (субъективное *nomen actionis*) [10. С. 77]. Наблюдения Э. Ларош за хеттскими именами действия с суффиксом -t-, который бесспорно явился основой для суффиксов *-tī-/-tu-, позволили установить, что хеттские имена *anīiat* «действие» при *anīia* «действовать», *karsat* «остановка» при *kars* «рубить» характеризуют несредний род и значение процесса действия. Поэтому Э. Ларош [10. С. 28] с полным основанием отождествил консонантный элемент суффикса с показателем актива, суффикс реального действия -tī- – с окончанием презенса, а суффикс потенциального действия -tu- – с императивным значением [Там же].

Поскольку считается, что суффиксы *-tu- и *-tī- структурированы дейктическими частицами -i- и -u- [10. С. 77], было высказано мнение о том, что именно форманты -i- и -u- несли глагольное значение «реальности / виртуальности». В древнейший период дейктическая частица не была прочно привязана к определенному слову, а относилась к высказыванию в целом. В таких случаях эта частица функционировала как

указательная частица в эмфатической функции: рус. *Смотри там / тут у меня!* Эти частицы, как правило, помещали действие вблизи или вдали от субъекта [Там же. С. 79]. Поэтому частица *-i-*, имевшая ближнее значение, маркировала у глаголов презенс, у имен – обозначение объективного действия, а частица *-u-*, имевшая дальнейшее значение, входила в состав форманта императива и именного показателя обозначения субъект(ив)ного действия.

Таким образом, передвижение акцента, разделявшее конкретную и абстрактную семантику, было в и.-е. языковом состоянии весьма продуктивным грамматическим способом, релевантным в периоды, когда смещение ударения меняло количество гласного, затем – когда менялся тембр гласного, и – как реликт – когда передвижение ударения уже не вызывало редукцию [10. С. 28–29]. Первоначально АС являлись баритонными отглагольными производными с редуцированной формой суффикса. В дальнейшем из системы окситонных имен деятеля также выделились АС, возникшие в результате перемещения ударения на корень. Оставшийся при этом агентивный суффикс *-t-* был дополнен дейктическими показателями близости / удаленности, объективности / субъектности *-i-* и *-u-*.

Однако перемещение ударения было не единственным грамматическим показателем, различавшим конкретные и АС, имена существительных и имена свойств. В древнегреческом, например, показателем конкретных имен являлась исконная ступень *-e-*, абстрактных – ступень *-o-*. При образовании новых АС, обозначающих не недифференцированное действие-деятеля, а только действие, большое значение имел средний род, нередко переводивший конкретные имена в абстрактные [10. С. 295–296]. Это позволило К.Г. Красухину предположить, что тематическое словообразование и формирование генитива были связаны общностью происхождения, и реконструировать схему развития и.-е. морфологии: недифференцированная баритонная атематическая форма > окситонное тематическое конкретное имя > баритонное тематическое абстрактное имя [Там же. С. 296–297]. По мнению ученого, формирование АС происходило в относительно позднее время, когда ударение во многом утратило свой силовой характер. В тот период асемантического передвижения акцента, вторичная баритонеза сопровождалась использованием перехода слов в ср. р. и образованием форм ж. р. (как, например, в греческом формы на *-ā-* < *eH- с абстрактным значением). Морфологически они представляли собой формы ж. р. от конкретных окситонных тематических имен: греч. αἶδω «петь» – ᾄδός «певец» – ᾄοιδή «песнь». Такие имена по значению мало отличались от баритонных тематических: γένος – γονή «рождение». Данные формы образовывались путем присоединения ларингала как самостоятельной фонемы к тематической основе. Таким образом, ж. р. формировался уже не на

суперсегментном, а на сегментном уровне. К корневым именам присоединялись и другие сегментные единицы, придающие лексеме различные семантические оттенки. Тем самым тип *tōcōz – toicōz* стал ядром, вокруг которого формировалась система именного словообразования, а сегментные аффиксы имели менее расплывчатые значения, чем баритоне́за и окситоне́за. Это и обеспечило им продуктивность.

В качестве верификации гипотезы Э. Бенвениста об объективном / субъективном характере противопоставления семантики суффиксов **-ti-*, **-tu-*, Н.Б. Пименова [1. С. 196–217] провела анализ словообразовательных типов АС с указанными формантами в древневерхненемецком языке. Разработанная авторская методика анализа позволила исследовательнице сделать вывод о том, что древневерхненемецкий словообразовательный тип отглагольных существительных ж. р. на **-ti-* был ориентирован в словообразовательной системе на выражение значений, ассоциирующихся с «объектным» полюсом, т.е. значения резуль­тативного объекта действия, эффицированного внешнего объекта, локатива. Данная специализация сближала этот словообразовательный тип с типом отглагольных существительных ж. р. *ō-*основ, что вызывало конкурентные отношения типов и появление однокоренных словообразовательных синонимов. Однако выявленная синхронная продуктивность типа ж. р. на **-ti-* в древневерхненемецком языке все же не может трактоваться как исконная продуктивность типа-источника в связи с древностью изучаемого словообразовательного типа и существующими в словообразовательной системе конкурентными отношениями [Там же. С. 196–217].

Словообразовательный тип отглагольных существительных м. р. на **-tu-* в древневерхненемецком языке уже не представлен, поскольку исконные *u-*основы перешли в древневерхненемецком в тип м. р. на **-ti-/ta-*, который, в свою очередь, несмотря на общие истоки с типом ж. р. на **-ti-*, обнаруживал центр своей продуктивности в обозначении отвлеченных состояний, неконтролируемых процессов и безобъектных действий, т.е. в фиксации глагольного признака на субъекте. Установленный спектр значений словообразовательного типа существительных м. р. на **-ti-/ta-* сближал его с древневерхненемецкими типами м. р. на *-ōda-/ōdi* (гот. *-ōru-/ōdu-*) и *-an*.

Таким образом Н.Б. Пименовой удалось найти доказательства в поддержку предположения Э. Бенвениста, что вызвало необходимость уточнить понятия «объект» и «субъект» в установленной оппозиции для синхронного состояния древневерхненемецких словообразовательных типов. В методике исследовательницы эти понятия привязаны к таким словообразовательным параметрам, как семантический класс мотивирующих глаголов, тип конкретного значения производного; они приписываются всему словообразовательному типу, а не отдельному суф-

фиксу, не носят абсолютный характер. В уточненной трактовке «субъектный полюс» означает, что действия, которые выражаются мотивирующим глаголами, не затрагивают никаких объектов либо затрагивают их в минимальной степени и не направлены на изменение этих объектов, а процессы и состояния развиваются в сфере субъекта, не выходя за его пределы [1. С. 130]. «Объектный полюс», напротив, воплощает максимальное отдаление объекта от действия, отчуждение его по отношению к действию, что представлено значением эффицированного объекта, локатива [Там же. С. 180].

И.-е. суффиксы *-to-, *-tā-

В индоевропейских языках и.-е. суффикс *-to- служил для образования первичных окситонных производных форм от корня с нулевой ступенью огласовки: прилагательных, которые вели себя как страдательные причастия прошедшего времени или (реже) как действительные причастия («причастия на -to» [5. С. 76]): скр. *syūtáh* «сшитый», *uktáh* «сказанный», греч. *λεκτός* «избранный», лат. *factus* «сделанный», *ornatus* «украшенный», лит. *girtas* «пьяный» [6. С. 65–66; 12. С. 184]. Подобные прилагательные были изначально посессивными производными формами от корневых имен: *klu- «слава» > *klu-to «обладающий славой», лат. *scelestus* «преступный», *onustus* «нагруженный», *barbātus* «бородатый», греч. *καρυστός* «орехообразный», др.-инд. *ánapta-* «бездонный» [18. С. 242]. Этот же суффикс мог образовывать и отглагольные существительные: лат. *status* «стояние, поза», *audītus* «слушание», греч. *φόρτος* «ноша», *υόστος* «возвращение», слав. *животъ*, *длато*. По мнению К. Бругмана [14. С. 343], суффиксы *-to-, -tā- образовывали в индоевропейских языках такие формы, которые могли выступать и как АС, и как прилагательные: др.-инд. *mānita-m* «почтение» – *mānita-s* «уважаемый, почитаемый».

Считается, что в славянских языках и.-е. суффикс *-to- употреблялся первоначально для формирования откорневых прилагательных (слав. *ž^lь, лит. *geltas* «желтый») и отсубстантивных прилагательных (*богатый* от *бог*) [19. С. 284]. Вторичное словопроизводство включало производные существительные от прилагательных, при этом лексемы оформлялись вариантом суффикса с огласовкой -ā- и относились к ж. р.: *доброта* от *добрый*, *чистота* от *чистый*.

В древнегерманских языках данные суффиксы выступали в формах гот. -þ-, ди. -d-, -t-, -ð-, двн. -d-, -t-, да. -d-, -t- и образовывали существительные, прилагательные и причастия [20. С. 142].

Происхождение суффиксов *-to-, -tā- выяснено не до конца, однако существует мнение, что они являлись тематическими вариантами суффикса *-t- [6. С. 65], первоначальное значение которого связано с

выражением агентивности [10. С. 25]. Подобно и.-е. суффиксам *-tu- и *-tī-, и.-е. суффиксы *-to- и -tā- имели агглютинативный принцип образования [10. С. 39; 15. С. 225], и гласные элементы суффикса – вторичные форманты, связанные с тематизацией суффикса и позднее в именах – с выражением грамматического рода [5. С. 76, 81]. Первоначально в окситонных to-основах в корне был гласный в нулевой ступени, а в баритонных – ступень -o или -e гласного корня.

К.Г. Красухин [10. С. 29–30] высказал мнение о том, что именной и.-е. суффикс *-tō- имел сходную семантику с аналогичным глагольным окончанием и поэтому служил для образования медиопассивных отглагольных прилагательных. Однако пассивное значение суффикса являлось вторичным, а первичным было обозначение субъективного, центростремительного действия. Цитируя Ж. Одри, К.Г. Красухин поддерживает мнение о том, что этот суффикс первоначально имел посессивное значение, затем в рамках глагола он сформировал сначала посессивный меди, а затем всю систему меди и соответствующих причастий. Он мог также обозначать просто факт действия без дополнительных характеристик. Исследование многочисленных конструкций с причастиями также показало, что, по видимому, они изначально не были пассивными и в их основе лежало отглагольное существительное на *-to- со значением имени действия: греч. *πότος* «попойка» при *ποτός* «годный для питья». Отглагольные прилагательные на -tō- присоединялись к наиболее простой глагольной основе, внедрились в систему аориста и претерита, и их первичным значением было выражение принадлежности к действию, поэтому они легко переходили в статив или пассив, обозначая при этом воздействие на предмет или его состояние в результате действия. Из этого развилась вторичная функция перфективности (завершенности) в германских языках [10. С. 31]. На этой основе ученый представил общую тенденцию семантики окситонной морфемы -tō- следующим образом: субъективность, самонаправленность > продленность действия > завершенность > перфективность > стативность (пассивность) [Там же. С. 34].

Кроме того, при исследовании и.-е. терминов родства Э. Бенвенист установил, что во вторичных образованиях, в которых суффикс *-to- присоединялся к корню на *-ī-, *-ā-, *-ū- (латинские производные на -ītus, -atus, -utus), он передавал значение «снабженный или владеющий тем, что обозначено корнем»: лат. *armātus* «вооруженный», *cornūtus* «рогатый», *aurītus* «длинноухий» и *marītus* «муж», т.е. букв. «владеющий marī-» [17. С. 169].

Задача интерпретации семантики и.-е. суффиксов с дентальным компонентом, послуживших основой для древнегерманских словообразовательных формантов абстрактности, не может быть выполнена без

обращения к этимологии данных формантов и характеристики состава производных. В кратком виде компонентный состав и реконструируемая семантика анализируемых и.-е. суффиксов представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Компоненты семантики и.-е. суффиксов

Суффикс	Структура суффикса	Реконструированные компоненты семантики
-ti- (-tey-)	*-t- + *-i-/*-ey-	агентивность, активность; процесс действия, ближнее расположение, принадлежность, дейктическое, анафорическое и эмфатическое значения; объективное действие, в котором субъект не заинтересован
-tu-/-teu-	*-t- + *-u-/*-eu-	агентивность, активность; субъектное действие, которое выполняется в качестве внутреннего предназначения или расположения; дальнейшее расположение
*-to-, *-tā-	*-t- + *-e-/-o-; *-t- + *-e-/-o- + *H	агентивность, активность; субъективность, центростремительность, самонаправленность; посессивность; продленность действия; грамматический род; завершенность; пассивность

Таким образом, ряд древнегерманских суффиксов, маркировавших значение абстрактности в древнегерманских языках, этимологически связаны с и.-е. словообразовательными элементами, каждый из которых, как предполагается, имел комплексную природу: и.-е. суффиксы *-ti-, *-tu-, *-to-, *-tā- содержат согласный элемент, расширенный за счет гласного элемента – показателя типа основ. Если гласные элементы восходят к дейктическим частицам (*-i-, *-u-, тематический гласный e/o > и.-е. *-o-; и.-е. *-ā- < *-e/o- + ларингал *H), то для согласного форманта *-t- реконструируется и.-е. местоименный корень, который также может быть соотнесен с дейктическим элементом. Так, К. Шилдз [21. С. 148] указывает на существование дейктических частиц *(e/o)-t, *I-, представленных в др.-ирл. tall, лат. ollus «тот, он», «упомянутый», лидийской морфеме локатива -l.

Можно предполагать, что формирование самих суффиксальных комплексов, а также их функционирование и степень продуктивности были обусловлены не только фонеморфологическими факторами, но и заключенной в них семантикой. Общим компонентом для всех суффиксов является элемент -t-, для которого на материале и.-е. языков постулируются агентивная и активная семантика, а также способность маркировать процессуальность, продленность, иногда прерывность действия у существительных, производных от глагольных корней. Гласные элементы, в свою очередь, комбинировались с дентальным согласным

для детализации обозначаемых действий с точки зрения как их расположения (близость / отдаленность), так и их направленности (субъектность / объектность) и соотнесенности (принадлежность, посессивность, отношение к). Резюмировать сказанное можно в виде следующей табл. 2.

Таблица 2

Характеристика семантики и.-е. суффиксов с дентальным согласным

Суффикс	Характеристика		
	Расположение	Направленность	Отнесенность
*-tj-	Ближнее	Объектная	Принадлежность
*-tu-	Дальнее	Субъектная	Отношение к
*-to-, *-tā-	–	Субъектная	Посессивность

Для последующего анализа словообразовательных типов с анализируемыми формантами важными являются следующие замечания, сформулированные на основе табл. 2: 1) гласный элемент, который располагается после согласного, т.е. является более поздним структурным наслоением, следует признать элементом, уточняющим, детализирующим значение всего суффиксального комплекса в целом; 2) наиболее древние значения гласных элементов следует рассматривать как базовые, опорные для суффиксальных комплексов, «цементирующие» их стабильность и устойчивость.

На основе представленных выше рассуждений о семантике и.-е. дентальных суффиксов можно также предполагать, что базовые значения суффиксальных комплексов могут модифицироваться под влиянием сопутствующих факторов, но сохранять при этом «память» об исконной семантике. Базовые значения суффиксов могут по-разному модифицироваться в отдельных языках, при этом степень родства языков не является решающим аргументом в пользу сходства или расхождения их семантики. Степень удаленности семантики суффикса от базовой при модифицировании может отражаться на продуктивности словообразовательного типа с данным суффиксом в словообразовательной системе каждого языка.

Исходя из сформулированных выше положений, можно обозначить направления дальнейшего исследования словообразовательных типов в древнегерманских языках. Засвидетельствованная вариативность значений словообразовательных типов с производными вариантами-потомками от указанных суффиксов (например, в древневерхненемецком языке – см. [1]) обращает внимание на то, что в различные периоды своего существования типы могли продолжать исконные семантические основания, консервировать их, а также модифицировать под давлением словообразовательных систем каждого языка или под влиянием контактов с другими языками. Исследование словообразователь-

ных типов по методике, разработанной отечественным лингвистом Н.Б. Пименовой [1], может способствовать получению данных для сравнительного анализа родственных словообразовательных типов в древнегерманских языках и выявить общие тенденции в развитии типов. Так, согласно результатам наблюдений ученого, в древневерхненемецком языке словообразовательный тип отглагольных существительных ж. р. *i*-основ с суффиксом **-ti-* обнаружил свою специализацию: для производных этого типа характерно заполнение объектного полюса значений. Словообразовательный тип существительных м. р. с суффиксами **-ti/-ta-*, напротив, выявил свое предпочтение к заполнению субъектного полюса значений [1. С. 204]. Очевидно, что установленные закономерности древневерхненемецких словообразовательных типов не противоречат идее о семантической специализации словообразовательных типов и косвенно подтверждают потенциальную полезность реконструкции и интерпретации комплексной семантики словообразовательных формантов.

Литература

1. *Пименова Н.Б.* Древневерхненемецкие словообразовательные типы отвлеченных имен (реконструкция системных отношений). М. : Языки славянских культур, 2011. 504 с.
2. *Логутенкова Т.Г.* Историко-типологическое исследование германских литературных языков донационального периода (на материале древнеанглийского, древневерхненемецкого и древнеисландского языков). Тверь : Твер. гос. ун-т, 1993. 170 с.
3. *Логутенкова Т.Г.* О способах разграничения словообразовательных моделей с синонимичными суффиксами в древних германских языках // Вопросы германского языкознания. М., 1984. С. 26–32.
4. *Ringe D.* A Linguistic History of English. Oxford : Oxford University Press, 2006. Vol. 1: From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. 355 p.
5. *Bammesberger A.* Die Morphologie des urgermanischen Nomens. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1990. 290 s.
6. *Одри Ж.* Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. С. 24–121.
7. *Kluge F.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2 Aufl. Halle : M. Niemeyer, 1926. 155 s.
8. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы : в 2 ч. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Ч. 1, 2. 1328 с.
9. *Красухин К.Г.* Дейктические показатели в категориях времени и наклонения (на материале древних и.-е. языков) // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992. С. 243–266.
10. *Красухин К.Г.* Аспекты индоевропейской реконструкции. Акцентология. Морфология. Синтаксис. М. : Языки славянской культуры, 2004. 456 с.
11. *Jellinek M.H.* Geschichte der Gotischen Sprache. Berlin ; Leipzig, 1926. Vol. 9. 209 s.
12. *Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М. : Высш. шк., 1974. 410 с.
13. *Дорский С.Л.* Словообразование отвлеченных имен существительных в древнеанглийском языке. Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1960. 161 с.
14. *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Berlin ; Leipzig, 1922. 774 s.

15. *Откупщиков Ю.В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. 322 с.
16. *Benveniste E.* Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. P. : Adrien-Maisonneuve, 1948. 174 p.
17. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
18. *Герценберг Л.Г.* Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л. : Наука, 1972. 274 с.
19. *Мейе А.* Общеславянский язык. М. : Изд-во иностр. лит., 1951. 491 с.
20. *Meid W.* Germanische Sprachwissenschaft von Krahe H. III Wortbildungslehre. 7. Auflage bearbeitet von W. Meid. Berlin ; New York, 1969.
21. *Shields K. Jr.* Indo European o-Stem Genitives in *-ī // *Lingua Posnaniensis*. Poznań, 2000. T. 42. P. 145–150.

A DEVELOPMENTAL INTERPRETATION OF THE OLD GERMANIC ABSTRACT NOUNS DENTAL SUFFIXES OF THE INDOEUROPEAN ORIGIN

Novitskaya I.V.

Summary. The article addresses the «sincretism issue» of the meaning of the indo-european word-formation suffixes with the dental sound that gave rise to the Old Germanic word-formation suffixes of abstract nouns. The structure and meaning components of the i.-e. suffixes are considered and compared which made it possible to determine the scope of their original semantic content.

Key words: Old Germanic languages; abstract nouns; dental suffixes; indo-european suffixes; meaning.